

ЭРВИНГ ГОФФМАН

Символы классового статуса¹

I

Термины *статус*, *позиция* и *роль* использовались как взаимозаменяемые для обозначения набора прав и обязанностей, который управляет поведением лиц, действующих в некотором данном социальном качестве.

Как правило, права и обязанности статуса фиксируются со временем при помощи внешних санкций, приводимых в действие законом, общественным мнением и угрозой социально-экономической потери, и такого рода внутренних санкций, которые встроены в представление человека о себе и рожают чувства вины, раскаяния и стыда.

Статус может *ранжироваться* по шкале *престижа* согласно количеству социальной ценности, которое вкладывается в него в сопоставлении с другими статусами в том же секторе социальной жизни. Индивид может *оцениваться* по шкале *уважения* в зависимости от того, в какой степени его исполнение приближается к идеалу, установленному для данного конкретного статуса².

Совместная деятельность, основанная на дифференциации и интеграции статусов, — универсальная характеристика социальной жизни. Этот вид гармонии требует от обладателя каждого статуса действовать по отношению к другим таким образом, чтобы при этом передавалось впечатление, что его представление о себе и о них совпадает с их представлением о себе и о нем. Следовательно, такой рабочий консенсус требует адекватной коммуникации по поводу представлений о статусе.

Права и обязанности статуса часто плохо приурочены к требованиям обычной коммуникации. Нередко развиваются специализированные средства демонстрации собственной позиции. Такие знаковые средства были названы *статусными символами*³. Это сигналы, отбирающие для данного лица статус, который ему вменяется, и способ, каким другие с ним обращаются.

Статусные символы зримо разделяют социальный мир на категории лиц, тем самым помогая поддерживать солидарность внутри каждой категории и

¹ Измененная версия этой статьи была представлена в качестве доклада на ежегодном собрании Общества социальных исследований Чикагского университета в 1949 году. Автор благодарен У. Ллойд Уорнеру за наставничество и Роберту Армстронгу, Тому Бёрнсу и Анжелике Чоут за критику.

² Различие между престижем и уважением заимствовано у Кингсли Дэвиса. См.: Davis K. A. *Conceptual Analysis of Stratification* // *American Sociological Review*. Vol. VII. June 1942. P. 309–321.

враждебность между разными категориями⁴. Статусные символы необходимо отличать от *коллективных символов*, которые служат отрицанию различия между категориями, с тем чтобы члены всех категорий могли соединиться в утверждении единого морального сообщества⁵.

Статусные символы обозначают позицию, занимаемую обладателем статуса, а не то, как он ее занимает. Следовательно, их необходимо отличать от *символов уважения*, обозначающих степень, в которой лицо исполняет обязанности своей позиции в соответствии с идеальными стандартами; особый ранг его позиции здесь значения не имеет. Например, Крестом Виктории в британской армии награждают за героическое выполнение задачи независимо от того, что это за задача, и независимо от воинского звания лица, которое ее выполняет. Это символ уважения. Он ценится выше схожего с ним ордена, называемого Крестом Георга. С другой стороны, есть знаки отличия, которые обозначают звание подполковника. Это статусный символ. Он говорит о чине лица, которое его носит, но ничего не говорит об уровне, которого достигло это лицо в выполнении обязанностей, вменяемых его чину. Он *ранжирует* данное лицо выше человека, носящего знаки отличия капитана, хотя на самом деле капитана, возможно, *ценят* выше, чем подполковника, с точки зрения уважения, причитающегося доблестным воинам.

Лица, занимающие одну и ту же социальную позицию, обычно обладают схожим паттерном поведения. Следовательно, каждый элемент поведения лица является знаком его социальной позиции. Знак позиции может быть статусным символом только тогда, когда он используется с некоторой регулярностью как средство социального «размещения» лица, которое его производит. Любой знак, дающий надежное свидетельство позиции того, кто его произвел, — неважно, пользуются ли им как свидетельством позиции обыватели или социологи, — может быть назван *удостоверением статуса*. Эта статья посвящена давлению, оказывающим влияние на поведение вследствие того факта, что символ статуса не всегда оказывается очень хорошим удостоверением статуса.

Итак, по определению, статусный символ несет в себе *категориальное* значение, то есть служит идентификации социального статуса лица, которое его производит. Но вместе с тем он может нести и *экспрессивное* значение, то есть выражать точку зрения, стиль жизни и культурные ценности лица, которое его производит, и удовлетворять потребности, создаваемые несбалансированностью деятельности в его конкретной социальной позиции. Например, обычай драться на дуэли был в Европе на протяжении трех столетий символом дворянского статуса. Категориальная значимость этой практики была настолько хорошо известна, что право чувствовать или наносить такого рода обиду, которая вела к дуэли, редко распространялось на низшие

³ Самый общий подход к изучению статусных символов, известный автору, можно найти у Г. Спенсера в «Основаниях социологии» (том II, часть IV, «Церемониальные институты»).

⁴ См.: Simmel G. Fashion // *International Quarterly*. Vol. X. P. 130–155. (В рус. переводе: Зиммель Г. Мода // *Избранное*. Т. 2. *Созерцание жизни*. М.: Юрист, 1996. С. 266–291.)

⁵ См.: Durkheim E. *The Elementary Forms of the Religious Life*. Trans. S. W. Swain. N. Y., 1926. Особенно р. 230–234.

классы. Вместе с тем дуэль несла в себе важное экспрессивное значение; она наглядно воплощала представление, что истинный мужчина является опасным объектом, существом с ограниченным терпением, которое не позволит любви к жизни обуздать преданность собственным принципам и собственному самоуважению. В целом, мы должны исходить из того, что любой элемент поведения значим в той или иной степени и в категориальном, и в экспрессивном его качестве.

Статусные символы используются, потому что больше соответствуют требованиям коммуникации, чем права и обязанности, которые они обозначают. Между тем сам этот факт делает необходимым, чтобы статусные символы были отличны и отделены от того, что ими обозначается. Следовательно, всегда есть возможность, что символы будут использованы «мошенническим» образом, то есть будут обозначать статус, которым претендующее на него лицо на самом деле не обладает. Тогда мы можем сказать, что непрерывный процесс использования статусных символов в социальных взаимодействиях требует механизмов, ограничивающих возможности ложной репрезентации. Мы можем подойти к изучению статусных символов, классифицировав воплощенные в них ограничительные механизмы.

Имея в виду этот подход, мы можем провести различие между двумя важными видами статусных символов: *профессиональными символами* и *классовыми символами*. Эта статья посвящена в основном классовым символам.

Есть, видимо, два основных типа профессиональных символов. Один из них принимает форму подтверждающих документов, которые с предполагаемой авторитетностью удостоверяют квалификацию и трудовую историю данного лица. При установлении трудовых отношений нередко приходится полагаться на такого рода символы. Они защищены от подделки правовыми санкциями и, что важнее, пониманием того, что почти наверняка поступит подтверждающая информация. Другой тип профессионального символа вступает в действие после того, как трудовое отношение было установлено, и служит разграничению уровней престижа и власти внутри формальной организации⁶.

В целом, профессиональные символы прочно связываются с одобренным референтом специфическими и признанными санкциями, во многом так же, как строго связываются с ним символы социальной касты. В случае социального класса, однако, символы играют роль, менее ясно контролируруемую авторитетом и в некоторых отношениях более значимую.

Независимо от того, как мы определяем социальный класс, мы должны иметь в виду дискретные, или прерывные, уровни престижа и привилегий, где доступ на любой из этих уровней, как правило, определяется комплексом социальных качеств, среди которых ни одно и ни два не являются необходимо существенными. Символы классового статуса, как правило, обозначают не специфический источник статуса, а скорее нечто, основан-

⁶ Примерами были бы отдельные кабинеты, сегрегированные помещения для еды и т. д. Обсуждение статусных символов в формальных организациях см.: Barnard C. Functions and Pathology of Status Systems in Formal Organizations // *Industry and Society* / Ed. by W. F. Whyte. N. Y., 1946. Chap. 4, p. 46–83.

ное на конфигурации источников. Так что если мы встречаем индивида, который манипулирует символами, как выясняется, мошенническим образом, — демонстрирующего знаки, но при этом обладающего лишь сомнительным притязанием на то, что они обозначают, — мы часто не можем обосновать нашу установку ссылкой на его специфические недостатки. Кроме того, когда бы мы ни давали оценку классового статуса человека, множественность детерминант классовой позиции заставляет нас с необходимостью соотносить и взвешивать предпочтительные социальные характеристики человека и менее предпочтительные. Мы можем ожидать, что в ситуациях, где требуются комплексные социальные суждения, точная социальная позиция лица будет неясной и, в некотором смысле, будет заменяться полем разночтений и сомнений. Репрезентации Я, попадающие в это поле, могут не находить нашего одобрения, но мы не можем доказать, что это ложные репрезентации.

Независимо от того, как мы определяем социальный класс, мы должны соотносить его с правами, которые осуществляются и уступаются и которые, не будучи конкретно сформулированными в законе или договоре, неизменно признаются на практике. Против лиц, представляющих себя обладателями классового статуса, который бы осведомленное большинство им не предоставило, не могут быть применены правовые санкции. Такого рода нарушители совершают наглость, а не преступление. Кроме того, классовые выгоды обычно соотносятся с установками превосходства, которые официально или слишком открыто не обсуждают, и предпочтительным положением в плане работы, услуг и экономических обменов, которое открыто или официально не одобряют. Мы можем согласиться, что индивид ложно себя представил, но, исходя из наших собственных классовых интересов, не можем сделать слишком ясным для себя, для него или для других, как именно он это сделал. Помимо этого, мы склонны оправдывать свои классовые выгоды, прикрываясь «культурными» ценностями, которые каждый в данном обществе предположительно уважает, — в нашем обществе, например, образованием, мастерством и талантом. В результате этого лицам, которые предъявляют публичное доказательство обладания любимыми ценностями их общества, не может быть открыто отказано в статусе, которого их символы позволяют им требовать.

Итак, в целом, классовые символы используются не столько для того, чтобы истинно или ложно представить свою позицию, сколько для того, чтобы повлиять на суждение других лиц о ней в желаемом направлении. Мы будем и дальше употреблять термины «ложное представление» и «мошенничество», но что касается вопросов социального класса, то эти термины надо понимать в том ослабленном звучании, в каком их оставляет вышеприведенное обсуждение.

II

Каждый классовый символ воплощает в себе одно или несколько средств ограничения его превратного использования. К числу наиболее типичных относятся следующие ограничительные средства.

(1) *Моральные ограничения.* Как систему экономического договора делает эффективной готовность людей признавать легитимность прав, лежащих в основании этой системы, так и использование некоторых символов делают эффективным внутренние моральные ограничения, удерживающие людей от ложного представления самих себя. Эти уколы совести выражаются, как правило, разными, но функционально эквивалентными способами. Например, в западном обществе некоторые лица, которые впервые могут позволить себе последовать образцу показного потребления высших классов, воздерживаются от этого на основании религиозного сомнения, культурной брезгливости, этнической и расовой лояльности, экономической и гражданской уместности или даже неприкрытого «чувства своего места»⁷. Конечно, эти самоограничения (в каких бы формах они ни выражались) подкрепляются давлением мнения как со стороны собственной исходной группы данного лица, так и со стороны того класса, чьи символы оно может превратно использовать. Однако действенность этих внешних санкций определяется отчасти той готовностью, с которой они подкрепляются интернализированными моральными ограничениями.

(2) *Ограничения, неотъемлемые от самих символов.* Одно из решений проблемы ложной репрезентации базируется на такого рода символе, который ощутимо заключает в себе явное использование самих прав или характеристик, которые он символизирует. Мы символизируем наше богатство, демонстрируя его, нашу власть — пользуясь ею, а наше мастерство — реализуя его. В случае богатства, например, беговые лошади, большие дома и драгоценности очевидно предполагают, что денег у их владельца по крайней мере не меньше, чем можно было бы выручить на свободном рынке за эти символы.

Использование ряда объектов как неотъемлемых символов богатства представляет особую проблему, ибо мы должны принять во внимание, почему им может назначаться очень высокая рыночная ценность. Экономисты иногда говорят, что здесь мы имеем случай «реальной редкости», то есть соединения низкого предложения с высоким спросом. Между тем одна только редкость не квалифицирует потребительский объект как статусный символ, поскольку есть неограниченное число других видов редких объектов. Полотна какого-нибудь неумелого любителя могут быть крайней редкостью, но в то же время почти не иметь какой-либо ценности. Почему тогда мы придаем высокую ценность экземплярам одного вида редкого объекта и не придаем ее экземплярам другого вида объекта, схожего с первым и в равной степени редкого?

Иногда делаются попытки объяснить огромные различия в рыночной ценности объектов, схожих по типу и одинаково редких, путем указания на «экспрессивное» различие между ними. (Эта же рационализация используется иногда для объяснения различия в рыночной ценности между «оригиналами» и «репродукциями».) Во многих случаях опознаваемое различие такого рода не только существует, но может также использоваться для ранжирования объ-

⁷ Моральные ограничения применяются и ко многим иным типам статусных символов, нежели классовые. Например, в западном обществе женщины чувствуют, что им до достижения определенного возраста приличествует воздерживаться от использования символов сексуальной привлекательности, а по достижении определенного возраста — все более от него отказываться.

ектов в соответствии с каким-нибудь признанным эстетическим или чувственным стандартом оценки. Это различие в переживаемой ценности между относительно похожими объектами не кажется, между тем, достаточно важным само по себе, чтобы служить оправданием очень разной рыночной ценности, которая им назначается. Для объяснения высокой цены, назначаемой некоторым редким объектам, мы должны соотнести ее с теми социальными выгодами, которые получают их владельцы, показывая это свое имущество другим лицам. Тот факт, что какой-то один объект, а не другой, в равной степени редкий, был выбран для использования в качестве статусного символа, объясняется всего лишь экспрессивным превосходством этого объекта.

(3) *Естественные ограничения.* Ограниченное предложение некоторого вида объектов может быть относительно легко увеличено, но не увеличивается, потому что у людей нет мотива это делать или потому что существует строгая социальная санкция против этого. В то же время ограниченное предложение некоторых видов объектов не может быть увеличено никакими средствами, хотя бы отдаленно доступными в данное время, даже если может быть мотив сделать это. Эти объекты были названы «естественными редкостями».

Естественная редкость некоторых объектов обеспечивает один из видов гарантии того, что число лиц, приобретающих эти объекты, не будет настолько велико, чтобы эти объекты стали бесполезными в качестве символов выражения вызывающего зависть отличия. Следовательно, естественная редкость — один из факторов, который может фигурировать в некоторых символах статуса. Мы вновь можем заметить, что не все редкие виды объектов высоко ценятся. Также мы должны заметить, что не все высоко ценимые редкие объекты являются статусными символами; это можно увидеть, скажем, на примере некоторых радиоактивных веществ. В случае некоторых статусных символов основания редкости, между тем, представляют особую аналитическую проблему. Если мы будем рассуждать о ней таким образом, то сможем заметить тот факт, что, хотя свою наиболее очевидную роль редкость играет как элемент неотъемлемых символов богатства, имеются символы статуса, которые оберегаются фактором естественной редкости, но не могут быть напрямую куплены и проданы.

В целом, основания естественной редкости можно искать в некоторых особенностях физического производства или физической структуры символа. Разумеется, при этом может быть найдено не одно, а несколько оснований, скомбинированных в одном и том же символе.

Самое очевидное основание редкости может быть обнаружено, пожалуй, в объектах, которые изготовлены из материала, очень нечасто встречающегося в природном мире, и которые не могут быть произведены синтетически из менее редкого сырья. Такое основание редкости присутствует, скажем, в случае очень крупных бездефектных алмазов.

Основание редкости обнаруживается в том, что можно было бы назвать «исторической закрытостью». Высокая ценность может придаваться продуктам, которые восходят доказуемым образом к действующим лицам, закрывшим свое производство, на том основании, что рост предложения стал теперь физически невозможным. В Новой Англии, например, связь семьи с судоходным делом может надежно использоваться как символ статуса, по-

сколькx этого дела, в его прежнем смысле, уже не существует. Аналогичным образом, в качестве символа статуса может использоваться «основательная» мебель из твердой древесины, независимо от стиля ее изготовления и мастерства изготовителя. Деревьям, дающим материал для такой мебели, требуется для роста так много времени, что с точки зрения текущего рынка существующие леса могут рассматриваться как закрытый и ограниченный источник поставок сырья.

Еще одна основа естественной редкости обнаруживается в объектах, чье изготовление требует привлечения значительной доли всех имеющихся средств производства. Это гарантирует уверенность в чисто физических основаниях того, что не появится большого числа дубликатов. В неиндустриальных обществах, например, крупные сооружения вбирают в себя значительную долю совокупного труда и всех строительных материалов, имеющихся в данное время в данном регионе. Это условие соблюдается также в случае некоторых художников и мастеров, чья совокупная жизненная выработка принимает форму небольшого числа выдающихся предметов, характерных для их изготовителя.

Наконец, мы можем обратить внимание на то, что лицо, приобретающее символ, может само обладать качествами, которые сравнительно эксклюзивно связывают его с производством символа. Такова, например, связь творца с его произведением искусства, ставшим символом статуса.

Таким же образом дети могут отчасти разделять статус своих родителей не только потому, что между ними существует доказуемая связь, но и потому, что число детей, которых может родить женщина, строго ограничено. Фамилия может в этом случае использоваться как символ статуса на том основании, что ее можно законно приобрести только от рождения или посредством выхода женщины замуж за потомка этого рода.

Схожая основа редкости обнаруживается в характеристиках социального взаимодействия. Вообще говоря, личная связь с индивидами высокого статуса используется как символ статуса. Одной из причин того, что это возможно, служит тот факт, что существует физический предел для числа лиц, с которыми любой конкретный индивид может быть близко связан. Это ограничение базируется на том, что личные отношения предполагают взаимную интеграцию вокруг широкого круга деятельностей, и, исходя из времени и вероятности, индивид не может быть связан таким образом с большим количеством лиц.

Наконец, спектакль, играемый данным актерским составом, неизбежно «играется для» аудитории ограниченного размера. Это связано с ограничениями человеческого зрения и слуха. Этот актерский состав может повторить свое представление для другой аудитории, но такое представление не может быть воспроизведено в том смысле, в каком это возможно в случае кинематографа. Только в кино одно и то же представление может «даваться» в разных местах одновременно. Таким образом, посещение театра может использоваться как символ статуса, тогда как визит в кинотеатр, в целом, не может.

(4) *Ограничения со стороны социализации.* Важный символ членства в данном классе демонстрируется в неформальном взаимодействии. Он состоит

в такого рода актах данного лица, которые впечатляют других уместностью и приятностью его общих манер. В умах присутствующих такое лицо мыслится «человеком нашего круга». Впечатления этого рода, видимо, основываются на реакции на многочисленные частности поведения. Последние заключают в себе элементы этикета, одежды, умения себя держать, жестикуляции, интонации, произношения, лексики, мелких телесных движений и автоматически выражаемых оценок касательно сущности и деталей жизни. Эти мелочи поведения образуют, так сказать, социальный стиль.

Статусные символы, основанные на социальном стиле, воплощают в себе ограничительные механизмы, часто действующие в соединении друг с другом. Обычно нас впечатляет целостный характер манер данного лица, так что мы, на самом деле, редко можем уточнить и разложить по пунктам те конкретные акты, которые произвели на нас впечатление. Следовательно, мы обнаруживаем, что неспособны разложить желаемый стиль поведения на части, достаточно малые и определенные, чтобы стало возможным их систематическое освоение.

Также мы обнаруживаем, что символическая ценность придается тому воспринимаемому различию, которое существует между актом, выполняемым небудуманно под невидимым руководством знакомства и привычки, и тем же самым актом или подражанием ему, выполняемым с осознанным вниманием к деталям и самосознательным вниманием к производимому эффекту.

Кроме того, манеры, предписываемые членам класса, обычно являются миниатюрным выражением их стиля жизни, их представления о себе, а также психологических потребностей, порождаемых их повседневной деятельностью. Иначе говоря, социальный стиль имеет глубокую экспрессивную значимость. Стиль и манеры класса, следовательно, психологически не подпадают тем, чьи жизненные переживания имеют место в другом классе.

Наконец, мы должны заметить, что члены класса часто вырабатывают исключительность именно в тех ситуациях, где преподается категориальная значимость конкретного акта. Это отчасти объясняет тот обычный социальный факт, что один класс может пользоваться как символом актом, о котором другой класс не знает, что он таким образом применяется⁸. Односторонний символизм этого типа может встречаться даже тогда, когда лицами, выполняющими акт, являются лица, не знающие, что он означает.

(5) *Ограничения самосовершенствования.* Во многих обществах хобби, заключающие в себе воспитание «вкусов» и совершенствование в искусствах, спорте и художественных промыслах, использовались как символы классового статуса. Экспертов наделяют престижем, а экспертность базируется на долгом сосредоточении внимания и требует его. Эффективным источником такого рода символа стало, например, владение иностранными языками.

Было бы банальностью сказать, что все, доказывающее, что в прошлом на непродуктивные занятия была потрачена уйма времени, чаще всего используется как классовый символ. Но временные затраты — не единственное ограничение, встающее на пути самосовершенствования. Самосовершенствование

⁸ Возможно, структурная модель для такого рода символа обнаруживается в «пароле» и условном знаке тайного общества.

ние требует еще дисциплины и упорства, то есть требует, чтобы человек исключил из сферы своего внимания все отвлекающие дела и конкурирующие интересы, которые могли бы помешать осуществлению намерения на протяжении долгого периода времени. Это ограничение на неподобающее присвоение символов особенно эффективно, когда велик промежуток между подготовкой и демонстрацией результатов.

Интересный пример самосовершенствования обнаруживается в таком качестве, как «сдержанность», которой классы во многих разных обществах придают высокую ценность. Здесь дается социальное применение дисциплине, необходимой для отведения в сторону и удержания под контролем настоячивых стимулов повседневной жизни, с тем чтобы можно было свободно задерживать внимание на тончайших различиях, которые в противном случае остались бы незамеченными. В каком-то смысле сдержанность есть форма негативного самосовершенствования, ибо оно заключает в себе умелый отвод внимания от многих областей опыта. Примером служит японская чайная церемония в дзэнский период буддизма. В западном обществе негативные и позитивные аспекты самосовершенствования, как правило, комбинируются, образуя то, что называют «разборчивостью» в отношении пищи, питья, одежды и обстановки.

(б) *Органические ограничения.* Ограничения, связанные с манерами и самосовершенствованием, дают посредством соответствующих символов свидетельства относительно того, как и где индивид провел значительную часть своего прошлого. Свидетельства, касающиеся прежней деятельности, имеют принципиальное значение, поскольку классовый статус базируется не только на социальных качествах, но и на продолжительности времени, в течение которого лицо ими обладает. В силу самой природы биологического роста и развития усвоенные паттерны поведения обычно дают гораздо менее надежное видение прошлого данного лица, чем приобретенные изменения в его физическом строении⁹. Например, в Британии состояние кистей рук и рост у мужчин и вторичные половые признаки у женщин являются символами статуса, которые базируются, в конечном счете, на долговременных физических последствиях диеты, труда и среды.

III

Лица, занимающие одно и то же социальное положение, ведут себя множеством способов, которые являются общими для всех, кто занимает это положение, и специфичными для них. Некоторые элементы, отбираемые из всего разнообразия этой деятельности, используются для специальной цели обозначения статуса. Эти элементы отбираются вместо других возможных отчасти потому, что несут в себе сильный экспрессивный компонент и воплощают в себе механизмы, ограничивающие их использование для ложной репрезентации. Тип классового сознания, развивающийся в обществе, можно понять через разграничение, проводимое между теми элементами характерного поведе-

⁹ Использование наследуемых характеристик как символов статуса типичным образом обнаруживается, конечно, в кастовом, а не в классовом обществе.

ния, которые используются как статусные символы, и теми элементами, которые могли бы быть таким образом использованы, но не используются.

Мы обрисовали шесть общих механизмов ограничения злоупотребления классовыми символами. Следует, однако, сказать, что нет ни одного способа ограничения, который смог бы устоять под натиском слишком многих мелких обстоятельств, и ни одного ограничения, которое бы тем или иным образом регулярно и систематически не обходилось. Примером служит система частных школ в Великобритании, которую можно рассматривать как машину систематического производства среднего класса в обличье аристократии; такую же задачу решают двадцать шесть «школ обаяния» в Чикаго, имеющие, однако, несколько иную клиентуру и ориентирующиеся на несколько иной идеальный образ.

Наличие рутинных методов обхода может в какой-то степени объяснить, почему утойчивые классы склонны обозначать свое положение при помощи символов, опирающихся на много разных типов ограничительных механизмов. По всей видимости, действенность одного типа ограничения препятствует при этом несрабатыванию другого. Таким образом группа избегает опасности, так сказать, складывания всех своих символов в одну корзину. И наоборот, социальные ситуации, для которых важен анализ статусных символов, можно классифицировать по типу механизма, от которого члены класса могут слишком сильно зависеть или которым они могут пренебрегать.

С точки зрения, принятой в этой статье, проблемы изучения классовых символов имеют два аспекта: один относится к классу, в котором рождается символ, другой — к классу, который его присваивает. В заключение статьи укажем на три таких двусторонних проблемных области.

(1) *Классовое перемещение*. Социальные классы, как и отдельные их члены, постоянно перемещаются вверх и вниз по шкале относительного богатства, власти и престижа. Это перемещение ложится тяжелым грузом на классовые символы, повышая тенденцию знаков, символизирующих позицию, к принятию роли ее вручения¹⁰. Эта тенденция, соединяясь с ограничениями, накладываемыми на приобретение статусных символов, сдерживает подъем на социальные вершины тем лицам, которые лишь недавно приобрели значительную власть и богатство, и задерживает падение тех, кто недавно их потерял. Таким образом может быть гарантирована непрерывность традиции, даже если происходит изменение в типе людей, которые эту традицию сохраняют.

Как уже предполагалось, мы обнаруживаем, что источники высокого статуса, которые некогда никем не оспаривались, исчерпываются или вступают в конкуренцию с новыми, иными источниками статуса. Следовательно, является обычным делом, когда целый класс лиц неожиданно оказывается с символами и ожиданиями, которые их экономическая и политическая позиция не в состоянии более поддержать. Символ статуса не может навечно удержать обретенную им роль вручения статуса. Наступает время, когда социальное падение переходит в крутое пике: члены падающего вниз класса вынуждены все больше и больше полагаться на символы, несообразные те-

¹⁰ Крайний случай обнаруживается в так называемой ритуальной передаче харизмы. См.: Weber M. *Theory of Social and Economic Organization*. Trans. T. Parsons. London, 1947. P. 366.

кущим расходам, и тем временем их связь с этими символами понижает ценность этих знаков в глазах других.

Другой аспект этой проблемы связан с тем фактом, что новые источники высокого статуса, как правило, позволяют приобретать дорогостоящие символы до того, как могут быть приобретены символы, базирующиеся на самосовершенствовании и социализации. Обычно это порождает в восходящей группе ожидания, остающиеся в течение какого-то времени неоправданными, и подрывает то уважение, с которым относятся к дорогостоящим символам члены других классов¹¹.

(2) *Охранительные группы*. Везде, где оснащение, символизирующее класс, становится сложным, может развиваться охранительный персонал, задача которого состоит в выстраивании и обслуживании этой машинерии статуса. В нашем обществе подобный персонал включает членов таких профессиональных категорий, как домашняя обслуга, модельеры и модели, художники по интерьеру, архитекторы, преподаватели в сфере высшего образования, актеры и всевозможного рода художники. Лица, занимающие эти рабочие места, обычно рекрутируются из классов, имеющих гораздо меньше престижа, чем класс, которому такие услуги продаются. Таким образом, есть люди, чья повседневная работа требует, чтобы они стали экспертами по манипулированию символами, обозначающими более высокую позицию, чем та, которую сами они занимают. Следовательно, здесь мы имеем институционализированный источник ложной репрезентации, фальшивого ожидания и разночтений.

Возникает интересное осложнение, когда специалист предоставляет символическую услугу множеству лиц, а символ, которому он обязан своей занятостью, содержит в себе ярко выраженный экспрессивный компонент. Так обстоит дело, например, с моделью и художником по интерьеру. В таких условиях охранитель начинает играть примерно такую же сакральную роль, как и лица, которым вверены коллективные символы общества. Тогда становятся возможны реализация неподобающих ожиданий охранителя и соответствующее понижение статуса и безопасности класса его клиентов.

(3) *Циркуляция символов*. Систематический обход ограничений ведет к нисходящей и восходящей циркуляции символов¹². Судя по всему, объективная структура знакового средства в этих случаях всегда видоизменяется. Было бы интересно дать классификацию этих изменений или способов вульгаризации, но это не входит в задачи настоящей статьи.

С точки зрения, принятой в этой статье, циркуляция символов имеет два основных последствия. Во-первых, те, у кого некий символ рождается, должны отвернуться от того, что им знакомо и привычно, и искать снова и снова

¹¹ Это рассматривали как проблему *нуворишей*, примером которых служит сообщество Голливуда. См.: Rosten L. *Hollywood*. N. Y., 1941, особенно p. 163–180. См. также: Parsons T. *The Motivation of Economic Activity // Essays in Sociological Theory*. Glencoe, 1948. P. 215. (В рус. переводе: Парсонс Т. Мотивация экономической деятельности // *О структуре социального действия*. М.: Академический проект, 2000. С. 329–353.) Крайним случаем в США является падение социальной ценности тех марок дорогих автомобилей, которым отдают предпочтение богатые криминальные классы.

¹² Не является редкостью, когда практики, рождающиеся в одном классе, принимаются членами более высокого класса. Примерами того, о чем идет речь, могут служить аргументы криминальных,

что-то такое, что еще не было испорчено. В особенности это касается групп, меньших по размеру и более специализированных, чем социальные классы, — групп, члены которых чувствуют склонность к отграничению себя от своего исходного социального класса, но не посредством движения вверх или вниз, а посредством выхода вовне. Это можно увидеть, например, в попытке джазовых музыкантов создать ежемесячную квоту новых манер для замены тех черт своего поведения и речи, которые успели присвоить обыватели¹³.

Второе последствие, пожалуй, более значимо. Статусные символы дают ключевую информацию, которая используется для выяснения статуса других и, исходя из этого, того, как с другими следует обращаться. Следовательно, мысли и внимание лиц, вовлеченных в социальную деятельность, обычно оказываются заняты этими знаками положения. Кроме того, мы имеем тот факт, что символы статуса нередко выражают весь образ жизни тех, у кого этот символический акт родился. Таким образом, индивид обнаруживает, что структура его опыта в одной сфере жизни воспроизводится во всех его переживаниях в других сферах жизни. Подобного рода подтверждение индуцирует солидарность в этой группе и придает богатство и глубину психической жизни ее членов.

Однако вследствие циркуляции символов знак, экспрессивный для того класса, в котором он рождается, начинает использоваться другим классом — классом, для которого этот символ может обозначать статус, но плохо его выражает. При этом сознательная жизнь может стать бесцветной и скудной, сосредоточенной на символах, которые не слишком-то ей конгениальны.

Мы можем закончить статью призывом к эмпирическим исследованиям, которые проследили бы социальную карьеру отдельных статусных символов, — исследованиям, подобным тому, которое предпринял д-р Мюллер в отношении передачи данного музыкального вкуса от одной социальной группировки к другой¹⁴. Такие исследования полезны в период, когда широчайшая культурная коммуникация интенсифицировала циркуляцию символов, повысила власть охранительных групп и расширила репертуары поведения, принимаемого как средство передачи символов статуса.

Перев. с англ. Владимира Николаева

этнических и театральных групп и такие мимолетные социальные помешательства, как ламбет-уок [простонародный лондонский танец. — *Прим. перев.*]. В большинстве случаев эти перенимаемые социальные практики выполняют всего лишь экспрессивную функцию и не используются как статусные символы. Но иногда практики, пользующиеся низкой репутацией, принимаются как статусные символы с целью выразить свое отношение к тем, кто не может себе позволить быть связанным с ними.

¹³ Из разговоров с Говардом Беккером.

¹⁴ Mueller J. H. Methods of Measurement of Aesthetic Folkways // *American Journal of Sociology*. Vol. LI. P. 276–282.